Она не знала, что делать.

После того как дядя Лидии выпроводил их из кабинета, её мать и тётя Раиса отвели их пятерых в апартаменты Раисы внутри поместья. Две Героини усадили их на мягкие кушетки и дали им большие расписные кубки духовного вина, сладкого, тёплого и сильно приправленного специями. Они попросили их мягко ещё раз, но подробнее, рассказать о событиях этой ночи.

Херон, в отличие от того раза, когда спрашивал дядя Дэймон, рассказал большинство деталей. Кастор и Рена добавляли мелкие детали то тут, то там, потягивая вино из своих кубков. Мирон рассказал не больше, чем в офисе, отмахнувшись от матери, когда та попыталась выведать у него, как он проводил время с Лио и рабом.

Нет. Не Лио.

Грифон.

Мать Лидии сделала всё возможное, чтобы выговорить из Лидии ответы. Или хоть что-нибудь, на самом деле. Но она не знала, что сказать. И поэтому она вообще ничего не сказала.

После опроса наступило время утешения. Запястье Кастора требовало вправления, хотя, к счастью, это была чистая травма. Их мать что-то яростно бормотала, пока перевязывала его, и клялась, что если бы Грифону не повезло сделать такой чистый перелом, она бы сама его выследила. Лидия почему-то знала, что удача здесь ни при чем.

Мать Лидии перешла к лечению опухшего левого глаза Рены, как только запястье было зафиксировано. Её тётя тем временем осторожно прощупывала правую ногу Мирона, выражение её лица мрачнело каждый раз, когда он вздрагивал. Херон сидел рядом с младшим братом на той же обеденной кушетке, прижимая мокрую тряпку к уродливому синяку на лице. Время от времени он сплёвывал кровь в банку на полу. Грифон выбил ему два задних зуба.

Из них пятерых только Лидия вышла из схватки невредимой. У неё даже не было ушибов.

Хриза и Раиса изо всех сил старались убедить их, что они ни в чем не виноваты. Однако их заверения быстро превратились в разглагольствования. Действия Грифона были полностью его собственными, уверяла её мать. Они были лишь естественным результатом характера, который с самого начала был небезупречен. Слабость духа дала о себе знать. Херон решительно согласился, и, к удивлению, Кастор тоже. Рена ничего не сказала, жалобно глядя в свой кубок с вином и специями.

Мирон только хмурился и качал головой каждый раз, когда его мать, тётя и кузены пытались убедить его, что Грифон всегда был эгоистом. Они говорили что-то и Лидии. Лидия не потрудилась их услышать.

К ним присоединились их отцы. Дядя Ставрос был в ярости, разумеется, но его гнев не мог сравниться с гневом родного отца Лидии. Фотиос Этос был человеком сильной сдержанности, но в этот момент он выглядел так, словно был готов убивать. Он ненадолго остановился, чтобы утешительно погладить Рену по опухшей щеке и осмотреть перевязанное запястье Кастора, а затем встал на колени перед Лидией.

— Он был никчёмным мальчишкой с того момента как научился ходить, — свирепо произнёс

отец Лидии, взяв её руки в свои и крепко сжав их. — А теперь он никчёмный мужчина. Мир может забрать его. Я найду тебе мужа, который будет лучше его во всех отношениях, я обещаю тебе это.

Отец заключил её в крепкие объятия. Лидия не чувствовала слез, когда они падали, но когда объятия закончились, на его мантии остались влажные пятна в тех местах, куда прижималось её лицо.

— Конечно, ты сможешь! — заверил её Грифон, в сотне футов вверх на склоне горы, цепляясь за самый крутой склон восточного горного хребта. Всего восемь лет, и уже бесстрашен. Он протянул руку, словно она могла просто подтянуться и взять её. Его алые глаза были яркими. — Куда я иду, идёшь и ты. Ты собираешься стать моей женой, не так ли?

Она не хотела лучшего мужа.

Через некоторое время они оставили попытки утешить её, перейдя к другим детям и племянникам. Когда Херон сел рядом с ней и попытался сказать ей, что, возможно, это было к лучшему, Лидия одарила его таким ядовитым взглядом, что он не сказал ей больше ни слова. Когда они покинули апартаменты её тёти, Лидия без единого слова вернулась в свою комнату. Они позволили ей.

Она села на кровать и уставилась в маленькое бронзовое зеркало. Её отражение было пустым, почти растерянным. Как всё могло произойти так быстро? Неужели он притворялся всё это время? С момента Дневных Игр? С тех пор как появился тот раб? Или с самого начала.

Заботился ли Грифон когда-нибудь о ней? О ком-нибудь из них?

В какой-то момент солнце село, и наступила ночь. Кастор и Рена принесли ей ужин и поставили две обеденных кушетки рядом с её кроватью, чтобы они могли поесть вместе с ней. И молча начали ковыряться в еде после нескольких неудачных попыток завязать разговор. Лидия не притронулась к тарелке, которую они принесли. Они оставили её с ней.

Позже, посреди ночи, дверь в её комнату со скрипом открылась. Затемнённый силуэт проскользнул внутрь и бесшумно закрыл её за собой. Лидия не спала, разумеется. Она даже не пыталась заснуть, вместо этого она вытащила обеденную кушетку на террасу и стала созерцать небо. Она посмотрела на незваного гостя, с язвительностью на кончике её языка.

Оставь меня в покое.

Язвительный комментарий убежал от неё, когда она поняла, кто это был. Мирон тихо хромал через комнату, сел рядом с ней на кушетку и прислонился своим плечом к её. Некоторое время они сидели так, просто наблюдая за звёздами.

Наконец, он нашёл свой голос.

— Я должен был остановить его. Мне жаль.

Это было самое абсурдное, что он мог сказать. Он был самым младшим из них, и к тому же младший Лидии в культивации. Не говоря уже о сравнении с Лио… с Грифоном. Для её младшего кузена взять на себя личную ответственность за то, что не смогли сделать все его старшие кузены, было выше всяких разумных пределов.

Лидия попыталась сказать ему это, но у неё вышел лишь сдавленный всхлип. Она сгорбилась, зарылась лицом в ложбинку между его плечом и шеей, всхлипывая и плача. Всё обрушилось на неё одновременно, всё, что она пыталась не чувствовать. Горе, агония и предательство.

Мирон всё время шептал ей успокаивающие слова, заставляя себя оставаться сильным ради неё. Но его голос дрожал с каждым словом.

Нико пришёл на следующее утро.

Мирон вскочил от скрипа открывающейся двери и упал с кровати. Они оба уснули, основательно вымотанные, перед самым рассветом. Лидия с тревогой посмотрела сначала на только что взошедшее солнце, а затем на своего старшего кузена. В его глазах было немного веселья, когда он смотрел, как Мирон едва поймал себя на четвереньках, но оно было приглушенным.

Он принёс с собой завтрак: три просто украшенных тарелки, которые он балансировал на левой руке, и кувшин со свежей водой в правой. Он молча поставил всё это на обеденный стол Лидии и сел есть. Лидия обдумывала, не сказать ли ему, чтобы он ушёл, или, может быть, перевернуться и снова заснуть, но Мирон сделал выбор за неё, спотыкаясь, поднявшись на ноги и присоединившись к Нико за низким столом. Лидия отбросила простыни в сторону.

— Я не голодна, — сказала она, просто чтобы он знал.

— Я тоже, — ответил Нико, засовывая в рот оливку. Он запил её длинным глотком чистой воды.

Неохотно Лидия начала есть. Еда была простой и сытной. Нико разговаривал с ними, пока они ели.

— Дядя Дэймон говорил со старейшинами последней ночью, — сказал он, опираясь локтем на стол. Без своей обычной дорожной одежды он выглядел как-то по-другому. Впервые с тех пор, как он вернулся на свадьбу, Николас Этос надел культовые одежды Розовой Зари. Точнее, на нём была одежда преимущественно алого цвета, которую всегда носил Грифон. Наряд Молодого Аристократа.

— Что он решил с ними сделать? — спросил Мирон.

— О, ничего слишком серьёзного. — Нико пожал плечами. — Несколько из них потеряют своё старшинство в культе. Один пытался оправдываться до самого конца, видимо, поэтому он получит побои и обязательную уединённую культивацию. Что касается Старого Черсиса, то дядя Дэймон решил, что сломанный нос, что Лио дал ему, был достаточным наказанием, и сказал ему, чтобы он дал ему зажить естественным путём. Можете себе представить как он был рад этому.

Мирон улыбнулся, представив вид, но улыбка была мимолётной. Лидия методично ковырялась в виноградной грозди на своей тарелке.

— Спекуляции, к сожалению, бушуют в культе, — продолжал Нико, отказавшись от попытки юмора. — И так будет ещё какое-то время. Они были не очень аккуратными, когда выходили.

Лидия глубоко отпила из своей чашки, надеясь, что это смоет кислый привкус из её рта. Не

помогло. Она попробовала съесть виноградину, но от этого стало только хуже. Она подумала, не так ли ощущалось отклонение.

— Я говорил с остальными сегодня утром, — сказал Нико. — Рена тяжело это восприняла. Кастор всё ещё немного шокирован, я думаю. Подобная травма всегда пугает мастеров меча, независимо от того, насколько легко она заживает. Херон устраивает шоу и изображает радость, но я вижу, что ему тоже тяжело.

— Это не шоу, — пробормотал Мирон. Он ковырял большим пальцем маленький кусочек сыра, разламывая его на крошки. — Он всегда ненавидел Лио.

Нико нахмурился: «Ты не должен так думать о своём брате».

— Это правда, — прошептала Лидия. — Наши родители тоже – они не могли бросить его на съедение волкам быстрее. Как будто они годами ждали этого момента.

— Это, возможно, правда, — признал Нико. — Но Херон только берет пример со своих родителей. Не будьте к нему слишком строги.

Никто из них не ответил. Нико вздохнул.

— Дядя Ставрос и дядя Фотиос сказали мне, что вы оба воспринимаете это хуже всех, — сказал он. — Я знаю, что это всё ещё свежо и болит, но вы должны понять, что это не ваша вина. Если уж на то пошло, то вина лежит на мне.

Лидия вспомнила глаза Грифона в ту ночь у костра, когда она заснула в его объятиях. Какими холодными они были. Она никогда не видела его таким за всю её жизнь. И она ничего с этим не сделала. Глупо. Она была такой глупой.

— Я должен был догадаться, что он чувствует зуд. — Нико провёл рукой по волосам, раздражённый. — И мне следовало бы знать лучше, чем дразнить его рассказами о том, чего он не мог получить. Терпение никогда не было его добродетелью, и я должен был знать это. Я знал это ещё до отъезда. Я слишком увлёкся воспоминаниями вместе с вами, и подтолкнул его к краю.

— Это всё равно бы случилось, — сказал Мирон, выглядя слишком усталым для своего возраста. Лидия потянулась и взяла его руку в свою, сжав её. — Что-то случилось с ним после обрядов посвящения в прошлом году. С тех пор… — Он покачал головой и повторил. — Это случилось бы в любом случае.

— Лио… — Нико колебался, обдумывая свои слова. Наконец, он решил продолжить. — Лио – странник. Я встречал таких, как он, за время моих путешествий. В детстве он всегда был любителем острых ощущений. Когда я увидел, каким сдержанным он был в доке, я подумал, что взрослая жизнь его смягчила. Но он всё тот же Лио. Всегда гонится за новыми впечатлениями, даже в ущерб себе и людям, которые ему дороги. Это то, кто он есть.

— Херон и Кастор рассказали мне, что он сказал тебе в конце. Я хочу, чтобы вы оба знали, что он не имел этого в виду.

— Лио не лжёт, — сразу же сказал Мирон.

Нико слабо, горько улыбнулся: «Может, он и не лгал, но и правды он вам не сказал».

Хорошее заявление, но оно не позволило ей забыть. Она слышала эти слова в своих снах.

Я не буду страдать ещё день с вами.

— Нико, — сказала Лидия, кончиками пальцев прослеживая узор на дереве стола. — Не мог бы ты рассказать нам ещё одну историю?

— Конечно, — быстро сказал он. — Любую историю, какую захотите. Что у вас на уме?

— Расскажи нам об Олимпии.

Его энергичное согласие исчезло в мгновение. Нико откинулся на локти, рассматривая их обоих: «Ты действительно хочешь знать? Прямо сейчас?»

— Не знать – ещё хуже, — сказал Мирон. Лидия кивнула в знак согласия. — Во что они ввязались?

Вопреки собственным инстинктам, Нико подчинился им.

— Олимпия – культурный эпицентр Эллинистического мира. Как вы знаете, здесь проводятся Олимпийские Игры, но даже в нерабочие годы это плавильный котёл Греческих цивилизаций. Его беднейшие районы намного превосходят всё, что мы имеем здесь, в Алом Городе.

— Он известен как Город Полу-Шага, или Плато, потому что это второе по божественности место в мире. Лишь слегка уступая самому Олимпу. Здесь собираются самые могущественные культиваторы нашего мира, и именно здесь рождаются чемпионы.

— Но ведь только Герои могут участвовать в Олимпийских Играх, верно? — спросил Мирон. В его голове возник очевидный вопрос, о котором Лидия сама думала всю ночь.

— Верно, — согласился Нико, криво улыбаясь. — Лио, может быть, и выдающийся для своего возраста, но даже он пока не сможет сойти за Героя. В этот раз он не будет участвовать в соревнованиях.

— Тогда зачем ехать? — спросил Мирон. — Просто чтобы увидеть, как это произойдёт? Лио никогда не был зрителем. И зачем вообще говорить мне об этом?

— Возможно, это было ложное направление, — предположил Нико. — Что-то, чтобы сбить преследователей со следа. Возможно, он вовсе не направлялся туда.

— Грифон не лжёт, — сказала Лидия, вторя Мирону. Они оба тупо смотрели на неё.

— Как ты его назвала? — спросил Нико, сбитый с толку.

— Это… — Мирон сделал паузу, посмотрев в её сторону. — Это то, как Сол зовёт его.

— Это имя, которое он выбрал для себя, — тихо поправила Лидия своего младшего кузена.

— Понятно. — Нико вздохнул, приняв это, и продолжил. — В Олимпии столько всего интересного, сколько только можно придумать. Они чтят все праздники всех городов-государств, и ещё больше праздников собственного сочинения. Это старая шутка, что жители

Олимпии празднуют так же часто, как работает весь остальной мир. Праздники продолжаются постоянно, а бизнес чрезвычайно прибылен, независимо от профессии. Это город изобилия.

— А какие там люди? — спросил Мирон. При этих словах Нико, несмотря на себя, оживился.

— Невероятные! По большому счету, во всяком случае. Я встретил там много хороших друзей, и даже пару моих нынешних компаньонов. Видишь ли, это место, где собираются культиваторы всех мастей, но особенно те, кто пользуется большой известностью. Встретить Тирана во время выполнения повседневных поручений – совсем не редкость. Город кишит выдающимися людьми.

Он наклонился через стол и лукаво подтолкнул Мирона: «Там же я встретил и свою Ифис. Люди говорят, что в Городе Полу-Шага столько же прекрасных мраморных красавиц, сколько звёзд на небе».

— Понятно, — прошептала Лидия.

Нико поморщился.

— Не то чтобы кто-то из них мог сравниться с моими прекрасными кузинами, — быстро поправил он.

— Мне не нужна твоя жалость, — сказала она, не в силах придать словам хоть немного жара. — Почему бы ему не захотеть женщину из такого фантастического места? Я уверена, что он найдёт там кого-то, кто сможет встать рядом с ним.

— Не говори так! — воскликнул Мирон, ударив по столу. Такова была его страсть, что, когда стол раскололся посередине, он не сразу извинился за то, что потерял контроль над собой. — Лио заботится о тебе. Это не то, почему он ушёл, и это не то, что он ищет.

Нико ничего не ответил. Дело в том, что его не было слишком долго. Он не знал достаточно, чтобы сказать то или иное. Лидия нахмурилась и посмотрела на своего младшего кузена.

— Ты не знаешь, о чём говоришь, — резко сказала она. Гнев приходил медленно, но когда он пришёл, он горел. Она почувствовала, что её глаза снова стали горячими, но она отказалась плакать. Только не перед Нико. — Ты слишком молод. Ты ещё никогда не испытывал ничего подобного.

— Мне не нужно быть старым, чтобы увидеть Олимп, когда он прямо перед моим носом, — ответил он. — Лио совершил ошибку в разгар момента. Он стал нетерпелив, вот и все! Если мы вернём его обратно, я уверен, что мы сможем заставить его образумиться!

— Вернуть его? — недоверчиво спросила Лидия. — Как мы можем его вернуть? Он избил нас, как непослушных детей, всех одновременно, и это без помощи раба! Мы слишком слабы.

— Мы можем стать сильнее, — настаивал он.

— Ты видел разницу между нами, — сказала Лидия, её голос резко повысился. — Он не собирается стоять на месте, пока мы будем спешить, чтобы догнать его!

— Так ты просто собираешься отпустить его? — недоверчиво спросил Мирон. — Но ты же любишь его.

— Конечно, я люблю его. — Гнев и страсть мгновенно улетучились из неё. Лидия тихо покачала головой. — Но это не имеет значения. Любить его недостаточно. И никогда не было достаточно.

— Вы оба слишком пессимистичны, — сказал Нико.

Они резко посмотрели на него. Он наклонил голову, Героическое пламя мерцало в задумчивых глазах.

— Догнать его далеко не невозможно, — объяснил он Лидии. Затем, Мирону, — И ты не будешь преследовать его в одиночку.

— Ты имеешь в виду?.. — Мирон с надеждой замолчал. Скрежещущий звук ногтей, впивающихся в дерево, предупредил Лидию о том, что она ухватилась за край стола достаточно сильно, чтобы прочертить борозды на его поверхности.

— Вы двое умеете хранить секреты? — спросил Нико в ответ, наклонившись.

Они бешено закивали.

— Вы, наверное, догадываетесь по тому, что на мне надето, что ваши отцы оба потребовали, чтобы Лио был упразднён как наследник Розовой Зари в наказание за его действия. Дядя Дэймон согласился и сделал меня Молодым Аристократом вместо него.

— Я, может, и не так плох, как Лио, но я точно не готов остаться здесь до конца моей жизни. Время, проведённое на палубе, слишком испортило меня, и у меня ещё слишком много дел, которые я хочу сделать, прежде чем остепениться. Боги знают, что моя жена будет в ярости, а я только что получил её. Так что в интересе убить многих птиц одним камнем и, возможно, даже вернуть мой корабль, я намерен разыскать его сам. Если вы оба согласны, я могу взять вас с собой.

— Ты говоришь правду? — потребовала Лидия, боясь, что в любой момент проснётся.

— Да, — твёрдо сказал он. — Это займёт время, но я найду способ убедить нашего дядю отпустить меня. Мы вернём его домой, брыкающегося и кричащего, если понадобится, и проследим, чтобы он хоть раз в жизни сделал всё по порядку. Я знаю мальчика, которым он был раньше, и я мельком видел мужчину, которым он стал сейчас. Возможно, ему было нелегко здесь, но он не ненавидел это место, и он точно не ненавидит никого из вас. У него сейчас переломный момент в жизни, и он нуждается в руководстве. Сейчас больше, чем когда-либо.

— Когда? — спросил Мирон, единственный вопрос, который имел значение. Они оба наклонились вперёд, три головы сгрудились над разбитым столом и тремя тарелками с забытыми объедками.

— Скорее раньше, чем позже, — пообещал Нико. — Есть несколько вещей, которые мне нужно сделать, если я хочу получить одобрение дяди Дэймона. Они займут у меня некоторое время, но это даст вам обоим время, чтобы подготовиться ко внешнему миру.

— Сколько времени? — потребовала Лидия.

— Самое большое месяцы, если повезёт, недели. — Нико ткнул ей пальцем в лоб. — Расслабься. Мы найдём его.

— Расслабься. — Она стиснула зубы. — Он на пути в самый могущественный город Средиземноморья, мы возможно не сможем последовать за ним месяцами, и ты говоришь мне расслабиться? Забудь о месяцах. Я беспокоюсь о нем сегодня.

— Тебе не стоит, — Лидин старший кузен укорил её. — Лио можно назвать много чем, и не всё из этого хорошее, но он всегда был находчивым. Он знает, как вести себя в опасной обстановке. И, как я слышал, его спутник тоже не так уж и плох.

— Ты не знаешь нового Лио, — сказал Мирон, не удержавшись. — Возможно, уже слишком поздно. — Нико закатил глаза, встал из-за стола и потянулся. На горизонте забрезжил свет нового рассвета.

— Прошёл всего день, — пренебрежительно сказал Нико. — В какие неприятности они могли попасть?

http://tl.rulate.ru/book/93122/3228541